

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	72
Глава 9	81
Глава 10	93
Глава 11	100
Глава 12	111
Глава 13	117
Глава 14	130
Глава 15	140
Глава 16	150
Глава 17	161
Глава 18	169
Глава 19	181
Глава 20	198
Глава 21	212
Глава 22	232
Глава 23	250
Глава 24	259
Глава 25	270
Глава 26	277
Глава 27	292
Глава 28	300
Глава 29	314
Глава 30	324
Глава 31	331
Глава 32	346
Эпилог	362

Глава 1

Кто битым жизнью был, тот большего добьется.
Пуд соли съевший, выше ценит мед.
Кто слезы лил, тот искренней смеется.
Кто умирал, тот знает, что живет...

Омар Хайям

Где это я? Что происходит? Голова трещит, в глазах двоится. Тело как будто чужое. Не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Лежу бревном на какой-то твердой поверхности. У меня что-то с глазами или тут реально темно? Точнее говоря, не полная темнота, а скорее полумрак, разбиваемый слабым свечением с потолка. С потолка?!! Так! Раз есть потолок, то я в каком-то помещении. Или в пещере. А что там так светится странненько? На потолке. Глаза вроде пришли в норму. Или адаптировались к полумраку. Очень странно. Эта светящаяся штука там наверху совсем не похожа на какой-либо светильник. Скорее, она смахивает на... мох?! Светящийся мох. Блин, может, он радиоактивный? Тут в Сирии чего только не взрывалось за последние годы. Стоп! Какая еще Сирия? Почему я в Сирии? Я же вроде бы русский? Точно, гражданин Российской Федерации. Напрягаю мозг, пытаюсь вспомнить. Есть контакт!

Последнее, что мне удастся вспомнить — бронированный «Урал» в желто-песчаном камуфляже мчит-ся на полной скорости по разбитой бомбами дороге, лавируя между воронками в потрепанном асфальте. Мимо проносятся скелеты расстрелянных артилле-рией унылых зданий. Горячий воздух режет легкие. Сажу в кузове вместе с ребятами из моей группы. Кругом люди с оружием. Все мы сюда попали по-раз-ному, но всех нас объединяет одно. Мы — люди-невидимки. Официально нас не существует. Мы как та ложка из фильма «Матрица». Которой не суще-ствует, а она есть. «Просвещенная пресса» обзывает нас наемниками. Другие именуют «охотниками за ИГИЛ¹». Интернет пестрит статьями и видеоклипа-ми про ЧВК². Какие только байки про нас не расска-зывают. И все знают, что мы уже второй год воюем в Сирии против черной заразы исламского фундамен-тализма. Помогаем «кровавому тирану» (так его на-зывают все прогрессивные СМИ) выиграть граждан-скую войну. Ай-яй-яй! Как не стыдно! Нам! Сколько тонн первосортного дерьма вылино на наши головы западной пропагандой? А с нас как с гуся вода. Нам по...! Мы просто делаем свою работу, за которую нам неплохо платят. Хорошо делаем, между прочим. Ко-нечно, моральная сторона тут тоже присутствует. За бородатых головоотрезателей я бы ни за какие деньги не стал воевать. Этих надо давить как беше-ных зверей. Танками с применением авиации и ра-кет. Не нравятся они мне. Конкретно так не нравятся. Нет, ненависти к ним у меня нет. Просто отвращение,

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² Частная военная компания.

брезгливость и желание стереть их с лица планеты. Как каких-то мерзких насекомых. Учитывая, что они творят — это уже не люди. Нормальные люди на такое не способны. Поэтому эта работа мне по нраву. И за нее мне очень хорошо платят.

Многие таких, как я, не поймут. А мне плевать на их непонимание! Вот такой я особый зверек, отличающийся от серой массы обывателей, задавленных ипотекой, кредитами и унылой работой в офисе. Большинство людей в современном мире всю свою жизнь живут скучной бесцветной жизнью, мечтают о приключениях и драйве. Но у них не хватает на это духу. Единицы из них пытаются как-то разнообразить серые будни, совершая разные глупости, которые с гордостью называют экстримом. А мне вот всегда нравилось воевать. Только в бою я чувствовал себя по настоящему живым, настоящим, нужным.

В моей жизни было слишком много разочарований и предательства. Сначала нас предала империя, солдатами которой мы были. Потом были предательства и подставы чеченских войн. Удар (хороший такой, со всей пролетарской яростью) в морду вороватого толстопузого генерала, по воле которого погибли мои подчиненные. Его еще и наградили за это! Суку! Увольнение со скандалом из рядов разваливающейся на глазах армии. Забвение и скука гражданской жизни. От полной депрессии спасался охотой, рыбалкой и сплавами по горным рекам. Работа? Ну она у меня была разная. Неинтересная и нудная. Когда на Украине полыхнуло, то я понял — вот оно! То самое, мое! Сборы были недолгими. Когда увольнялся с работы, то все смотрели на меня как на придурка. Куда едет? На войну! Там же стреляют! А мне было

плевать. Донбасс горел в огне. Там гибли люди. Детей, стариков и женщин убивали артиллерией и давили танками. Им нужна была моя помощь. Возможно, это и звучит как полный бред, но именно так я думаю и мыслю. Обывателям меня не понять. А мне сугубо параллельно на их мнение. С высокого Биг Бэна!!!

Вот так я стал добровольцем. Мы жгли танки фашистов, отбивались от свежевылупившихся карателей, сбивали вертолеты, несущие гражданским людям смерть на своих пилонах. Нас накрывали градами, долбили минометами, утюжили гаубицами. Постепенно в тяжелых боях гражданские ребята из любительского ополчения на моих глазах превращались в настоящих бойцов. Они закалились в горниле сражений. Теперь моя помощь уже не требовалась. Я сделал все, что было в моих силах. Помог людям в самые трудные месяцы, научил их быть солдатами. Может, это и звучит пафосно, но я горжусь, что был одной из тысяч тех песчинок, которые сломали механизм набирающей скорость боевой машины украинского нацизма.

В Сирию я попал благодаря моей донбасской эпопее. Там меня заметили и предложили работу по профилю. Раздумья были недолгими. Про ЧВК в последнее время не писал только ленивый. Любопытно было попробовать. А знаете, я попробовал, и мне понравилось. Это вам не армия, о которой у меня остались не самые теплые воспоминания. В Компании все было настроено на результат. Никакой показухи и армейского дебилизма. Туда брали профессионалов, прошедших не одну горячую точку. С такими людьми приятно работать. Нам указывали цель, и мы ее уничтожали, быстро и эффективно. Изредка нам помогала армейская артиллерия и авиация. Российская, понят-

ное дело. А вот насчет сирийской правительственной армии у меня сложилось крайне скептическое мнение. Арабы — люди... э-э... своеобразные. Ну не умеют они воевать, как все нормальные люди. И не хотят учиться это делать правильно. Как эти brave перцы смогли продержаться против чернознаменных бородачей два года в одиночку? Это очень большая загадка. Для меня. Из-за этих наших... э-э-э... союзников моя группа несколько раз попадала в большие неприятности. На мой взгляд, единственное, что хорошо умеют делать правительственные войска Сирии — это быстро драпать, бросая по пути драпа оружие и технику. Но это я так. Бурчу. Может, мне не те сирийцы встречались? В телевизоре они вон все как один — герои. А телевизор врать не будет. Хе-хе!

Вот наш «Урал» миновал сирийский блокпост и свернул с асфальта на боковую улочку. Начинает ощутимо потряхивать. Твою маман, не дрова же везешь! Вот зараза, тут асфальта нет. Кончился. Вездесущая сирийская пыль тут же начинает заползать в кузов, где мы сидим. И тент не помогает. Торопливо натягиваю на лицо намотанный на шею платок-арафатку. Уф! Вот так уже можно дышать. Не противогаз, конечно, но для сельской местности сойдет. Пыль тут, в этой замученной гражданской войной стране, буквально везде. К ней постепенно привыкаешь и стараешься ее не замечать. Пока мы ехали по асфальту, то было терпимо. А вот на грунтовке наш транспорт буквально накрыло пыльное облако. А мы тут сидим. Дышим через раз. Наконец «Урал» выворачивает на окраину безымянного поселка (их в этой разрушенной стране много таких вот, разбитых артиллерией и покинутых людьми). Вон впереди замаячи-

ла пустыня. Где-то там за барханами наша очередная цель. Мимо проносится запыленная стена крайнего дома. Наш грузовик вырывается на открытое пространство. Уф! Тут ветерок дует. Это хорошо. Хотя пыль будет сдувать. А то пока ехали между домами чуть не задохнулись. Что за... чувствую сильнейший удар, сильный грохот. И... ничего. Больше ничего не помню. Похоже, мы налетели на фугас. Скорее всего. Тот грохот это точно был взрыв. После него меня и вырубил. М-да!

И что теперь? Где я вообще? Машинально оглядываюсь. Ого! Это определенно не пещера. Вон стены вполне себе ровные и прямые. Пол тоже довольно ровный. На такое природа не способна. Лежу на полу. На спине. Надо попробовать пошевелиться. Шевелю рукой. Правой. Затем левой. Уф! Действует. А ведь недавно вообще бревном лежал. А сейчас вот уже двигаюсь. Прогресс. Попробую привстать. Тяжело. Тело повинуется с большим трудом. Наконец мне удастся принять сидячее положение. Устал. Чувствую себя полной развалиной. Голова побаливает. Аш-ш-ш! Трогаю там, где саднит. Над левым виском. Пальцы в чем-то липком. Ого! Похоже на кровь. И много ее из меня вытекло. Вся левая сторона головы и шея в крови. Да уж! Голову мне знатно распахало. Хорошо, что сейчас кровотечения уже нет. Кровь стала липкой. Начинает сворачиваться. Вот и хорошо, а то бы кровью истек, и прощай, любимая страна.

Немного отдыхаю. Наконец медленно начинаю вставать. Меня качнуло. Уф! Чуть не грохнулся. Успеваю опереться на стену. Встал. Стою. Покачиваюсь. Накатила просто зверская усталость. Надо отдышаться. Как будто марафон километров в двадцать пробе-

жал. Что-то не так. Что это на мне надето? Больше всего это похоже на... доспехи. Обычные такие, средневековые. Кольчуга, металлические наручи, панцирь из мелких металлических пластин. Доспехи, кстати, довольно потрепанным выглядят. Вмятины, много вмятин. Как будто по ним колотили со всей дури молотком со всех сторон. Кольчуга пробита в нескольких местах. Да еще и все это дело в брызгах какой-то темно-красной почти черной жидкости, подозрительно напоминающей кровь. Да она и пахнет, как кровь.

Тело! Оно какое-то странное. Оно не мое. Более массивное, мускулистое и низкорослое. Хотя, может, это после контузии меня так плющит. Мерещится всякое. Нереальное! Медленно ощупываю себя. Так, так! Доспехи на мне все так же реальны. Не спешат исчезать. Медленно подношу ладони своих рук к лицу. Это определенно не мои руки. Массивные грабли профессионального борца. Где, я вас спрашиваю, мои элегантные ладони пианиста с мозолью от спускового крючка на правом указательном пальце? Но не это главное. Минуты три тупо таращусь на свой левый мизинец. Он целый. Много лет назад, еще во время Второй чеченской, осколком гранаты мне оторвало половину фаланги. Рана зажила и жить не мешала. Я давно привык. И вдруг такое! Это что? Это как? Наконец ступор проходит. Умные мысли в голову не лезут. Значит, начнем делать глупости! Сую указательный палец правой руки в рот и кусаю. Мать!!! Больно-то как! С надеждой оглядываюсь по сторонам. Не прокатило. Декорации вокруг меня не растворились в воздухе, а я не проснулся. Когда я выдергивал палец изо рта, то моя рука наткнулась на то, чего там быть не должно. Борода! Я сроду не носил бороду.

И усы. Даже на боевых старался тщательно выбривать нижнюю часть лица. Медленно офигевая, машинально дергаю себя за бороду. Оу, мать-ь-ь!!! Настоящая. Да что такое тут творится? Шок — это по-нашему!

Так, спокойно! Разберусь потом, когда выберусь из этой... этого непонятного тоннеля. Почему тоннель? Ну окон тут не наблюдается. И если бы не подозрительный светящийся мох на потолке, то тут бы царил непроглядная тьма. Вариант с пещерой можно сразу отбросить. В полутьме я уже успел рассмотреть ровные обработанные стены с какими-то высеченными на них орнаментами. Пол и потолок тоже рукотворные. Слишком ровные. Природа так не строит. Для комнаты слишком узкое и длинное помещение. Точно тоннель! Неужели один из тех, где от российской авиации прятались игилоиды? Хм! Не похож. Те тоннели я видел. Они больше напоминали глубокие норы с грубыми неровными краями. А тут прямо шедевр архитектуры. Ровный и гладкий. Явно выдолбленный в сплошной скале. Про вырезанные на стенах непонятные узоры я уже говорил. Может, это катакомбы, оставшиеся от шумеров или каких-нибудь древних хеттов? Вроде жили тут в Сирии такие народы когда-то. Разберемся. Как только выход найдем отсюда, так и разберемся. Что тут у нас? Слева тоннель заканчивается шикарным глухим каменным завалом. Тупик! Там ловить нечего. Смотрю направо. Это направление вроде бы более перспективное? Тоннель тянется метров пятнадцать и ныряет за угол. Может, там есть проход? Хотя что это тут наверху? И как я его сразу не заметил? На потолке над моей головой на фоне светящегося мха чернеет лаз. Нет, скорее квадратная шахта. Метр на метр. А вот и вход.

Врубаем дедукцию и понимаем, что именно из этой дыры я, скорее всего, сюда и вывалился. Сосредоточенно рассматриваю мой возможный путь к спасению. Не допрыгну. Высоковато. Тут до потолка метров шесть-семь не меньше. И тут меня накрывает...

Глава 2

В войне не бывает второго приза
для проигравших.

Омар Брэдли

Наша сотня воинов-гномов стоит на Закатном мосту. Враг каким-то образом смог разбить внешние ворота нашего подземного города. Странно. Там ведь было три сотни стражей. Почему они не смогли остановить врагов? Хорошо, хоть успели подать сигнал тревоги. Наша сотня оказалась самой ближайшей к месту прорыва. Чтобы ворваться в город, врагам надо пройти по Закатному мосту. Это единственный путь через Пропась Скорби. Перепрыгнуть через такое препятствие даже тролль не сможет. Пропась слишком широкая для этого. Значит, у них только один путь. Пройти по этому мосту, на котором сейчас стоим мы. Оглядываюсь по сторонам. Изготовившийся к бою строй гномов, закованных в тяжелую броню впечатляет. Ровные ряды первых шеренг сжимают гвизармы в обеих руках. Эти короткие гномьи алебарды с длинным, узким, слегка изогнутым накопечником, имеющим прямое, заостренное на конце ответвление и трехгранный шип в середине лезвия,

выглядят устрашающе. Очень опасное оружие. Им было одинаково удобно удерживать противника на расстоянии, пробивать тяжелые латы, колоть, рубить и резать в ближнем бою. Воины гномов его любили за эту многофункциональность.

Но у меня в руках не гвизарма, а мой верный полуторный меч и массивный продолговатый щит. Я воин третьей шеренги. Тут с длинным оружием не развернешься. Если гвизармисты не смогут сдержать натиск противника, то тут начнется хаотичная свалка ближнего боя. И вот тогда мой меч и пригодится. Мы, бойцы третьей шеренги, должны остановить натиск врагов. Заставить их увязнуть и втянуться в схватку накоротке, если строй первых шеренг будет прорван. Не зря в третью шеренгу ставят самых сильных и умелых воинов. Хотя те, кто стоят в первых шеренгах, тоже ребята не промах. Но им и приходится тяжелее, чем нам. Зачастую им удается останавливать вражескую атаку. Но не всегда, не всегда! Ведь на них приходится самый первый напор противника. Еще раз оглядываю воинов моего десятка. Все как один умелые рубаки. В третью шеренгу хлюпиков не ставят.

Вдруг впереди раздается жуткий многоголосый рев. Из темного зева тоннеля на другом конце моста выплескивается огромная толпа врагов. Орки! Чтоб их демоны любили в бездне! И тролли с ними. Эти трехметровые гиганты похожи на огромных волосатых обезьян, вставших на дыбы. И врагов много. Отрыжка бездны! Да, их тут очень много. Изрыгающая боевые кличи толпа быстро заполняет вражескую половину Закатного моста. Они несутся на нас, размахивая своим разнокалиберным оружием. Впереди бегут тролли, рассекая воздух чудовищными дубина-